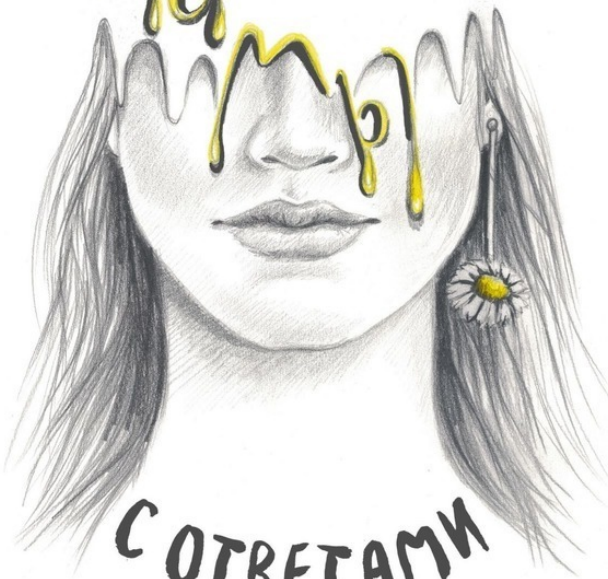
ЕЛИЗАВЕТА БАЮШЕВА

ЗАДАЧНИК ПРИЕМНОЙ МАМЫ



С ОТВЕТАМИ

Елизавета Баюшева

Задачник приемной мамы с ответами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69394840
ISBN 9785006021631

Аннотация

Быть мамой – это высшее счастье, а быть приемной мамой? Вот так куда ни посмотри – всё сплошное счастье. Ты неизбежно будешь счастлива, стоит только стать мамой парочки милых детишек. Почему парочки? Да, по слухам, как минимум двое – это идеальное количество детей. Всё слухи. Но не все врут.Каково это быть приемной мамой – рассказываю, как есть. Почему в России так трепетно относятся к мамам, решившимся на усыновление детей, и так холодно встречают приемных мам? Живые примеры в книге.

Содержание

Читателям 5
Глава 1 7
Часть 1 7
Часть 2 28
Глава 2 47
Часть 1 47
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Задачник приемной мамы с ответами

Елизавета Баюшева

Редактор, корректор Ирина Лучакина
Иллюстратор Ирина Деева
Дизайнер обложки Ирина Деева

© Елизавета Баюшева, 2023
© Ирина Деева, иллюстрации, 2023
© Ирина Деева, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-2163-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Читателям

Эта, местами фантастическая история, посвящается всем мамам: приемным и родным, уверенным в себе «от головы до пяток» и тем, которые ошибаются. Посвящается мамам-всезнайкам и тем, которые вечно находятся в поиске правильного решения; мамам, которые вместо пап. Посвящается мамам-бабушкам, женщинам, которые только планируют выйти замуж или задумываются о ребенке. Посвящается мамам девочек, которых обижают в детском саду и тем, которые обижают сами. Эта книга – всего лишь пережитый опыт. Нельзя измерить степень «хорошести» происходящих событий. Этот опыт не хороший, не плохой, а был, есть и будет. Он мой.

У каждого из нас в жизни случаются удивительные моменты, череда невероятных совпадений, неожиданных ситуаций и встреч, которые вдруг переворачивают нашу жизнь с ног на голову. Ты жил, дышал, ходил на работу, пил один и тот же сорт кофе. И вдруг *нечто* ворвалось в привычные будни. Ты неожиданно понял, что жизнь больше никогда не будет прежней. Что-то подобное случилось со мной, когда в один прекрасный день я оказалась приемной…

Глава 1
Чайлдфри или чайлдбизи

Часть 1
Мужчина обыкновенный, дети – инопланетные

Чайлдфри, или Почему ноль тоже является числом

– Простите, вы знаете теорему Пифагора?

– Чего проще – «Пифагоровы штаны во все стороны равны».

– Ладно, а теорему синусов?

– Это когда стороны треугольника пропорциональны синусам противолежащих углов?

– Верно! А о науке, которая определяет объем счастливости семьи в курсе?

– Да, эта устаревшая грамота всем известна! Еще моя бабка говорила: «Счастье любой семьи находится в прямой зависимости от количества рожденных детей».

И если теорема Пифагора давно доказана, то фразу «бабка

когда-то говорила», еще нужно суметь обосновать.

«Дети – цветы жизни», – только глухой не слышал этой фразы. Я слышала ее чаще, чем вы, потому что у меня не было детей. Я осознанно их не хотела и имела наглость открыто об этом заявлять. Еще тысячу раз вокруг меня раздавались осуждающие вздохи: «Для себя обязательно надо, часики-то тикают, дети – это прекрасно, давай хотя бы одного». И самое «ископаемое» – «стакан воды в старости никто не подаст».

Много раз за свои «оттиканные» часы и минуты я терялась в попытках объяснить, казавшееся мне таким нормальным нежелание иметь детей, которых непременно должно быть как минимум двое. Все, что меньше двух, считалось обществом как эгоистичным.

– А ты одна в семье? – помню, как спрашивали меня какие-нибудь любопытные тёти и дяди.

– Одна, – отвечала я, не чувствуя подвоха.

– Плохо, – непременно вздыхали они, – эгоистка значит.

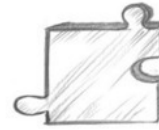
Так уж повелось в головах матерей всего СССР. Затем убеждение, что один ребенок в семье обязательно вырастет эгоистом, перекочевало на просторы современной Российской Федерации. Никогда не видела в этом взаимосвязи.

Четко вижу две крайности, но в той и другой ситуации эгоистом ребенка сделать, конечно, можно, правда, для этого совсем не обязательно не иметь больше одного. В СССР ничего не было, и я с ужасом представляю, если бы нас в семье оказалось двое.

Представляю вашему вниманию две задачки про одну и ту же Лизу.

Задача №1 – «элементарная». В одной семье две голодные Лизы. Одна девочка ест что-то горячее один раз в день.

Вопрос: «Как часто будут есть обе Лизы при условии, что их папа безвестно отсутствует»?



Задача №2 про платье и одну мамину юбку.

На одно платье для Лизы тратили одну мамину юбку один

раз в полгода. Второй наряд шился сразу, как только на первом появлялась парочка милых заплаток, но не чаще, чем один раз в три месяца.

Внимание вопрос: «Ходили ли бы голыми обе Лизы, будь их в семье двое»?

Ответы для тех, кто не справился: один раз в два дня и да, ходили бы, но зато не эгоистичные! Две же их было, не одна. А если серьезно, спасибо большое, мам.

В современной России все наоборот: тонны еды и гардеробные из ярких платьев, правда, есть одно «но» – внимание. Точнее, его дефицит. В век турбулентности и зарабатывания денег дети страдают больше всех. У них модные гаджеты, бесконечный контент в средствах массовой информации, почти реальные компьютерные игры, роботы, имитирующие домашних питомцев. Но нет рядом мамы, которая спокойно и с улыбкой расскажет на ночь добрую сказку.

Один будет ребенок в этот момент или в соседней комнате оставлен «на растерзание» гаджетам второй, вряд ли это определит степень его эгоизма в дальнейшем.

Чем бы ни закончился спор о необходимом количестве детей, я не хотела ни одного. Поэтому, когда особо настойчивые и невоспитанные товарищи предпринимали очередную попытку убедить меня в абсурдности статуса «чайлдфри», закатывала глаза и резко меняла тему разговора.

Я была уверена: одни вопрошатели мне завидовали (моей свободе и независимости), другие – жалели, мол, нет детей, потому что не может. Оба варианта меня устраивали: чем бы бабушки на лавочке не тешились, лишь бы с любопытными вопросами каждый день не лезли.

Тем временем мое нежелание выполнять главную материнскую функцию продолжало «поднимать давление» друзьям, соседям, коллегам и дальним родственникам. Меня тыкали в этот вопрос носом, я же все яростнее защищала свое право НЕ иметь детей. Один, два, ноль – ноль тоже имеет право на существование, и образованный мир должен об этом знать.

Почему ноль? Тогда я думала, что мое «не хочу» означает только одно – «я не хочу, потому что не хочу». Это мое естественное желание, как, например, не хотеть носить черные туфли, а только розовые, или не есть лук, а петрушечку можно и побольше.

Поэтому мой диалог лет двадцать назад строился примерно так:

– Почему ты не хочешь иметь детей?

– Потому что.

К сорока годам я все понимаю и уже могу дать более развернутый ответ. Проанализировав свое «не хочу» несколько сотен раз, сегодня честно готова ответить всем оппонентам на этот вопрос.

Условие первое – *детство*. Без него не обходится ни один

прием у психолога, поэтому расскажу в двух словах.

Мои юные годы были весьма скромные: там было нечего надеть и нечего поесть, зато вдоволь можно было потрудиться. Поэтому, когда детство, слава Богу, закончилось, наступила юность, потом отрочество, и я смогла позволить себе хоть что-то. Мне хотелось делать это исключительно для себя. Что это доказывает? А то, что я совершенно точно выросла эгоисткой.

Маминой зарплаты нам едва хватало на элементарные продукты и что-нибудь необходимое для дома. Вспоминая позже наше первое жилье, я сразу слышу кваканье лягушки под порогом, и вижу расчесанные от укусов клопов бока.

На первом курсе университета я поняла, что дети – удовольствие дорогое и на всю жизнь. Дети – это ограничитель свободы и возможностей развития. Чтобы сделать детей счастливыми нужно изрядно попотеть, а вот потеть ради кого-то я в то время вообще не хотела. Хотелось наоборот, не потеть.

И свободы. О, как же мне хотелось внутренней и финансовой свободы! Жить для себя, ради себя, готовить вкусное себе, покупать самое яркое себе, водить в красивые места себя. Как бы меня ни допытывали вопросами, мол, когда уже, как бы тесен ни становился круг родивших коллег и подруг, как бы неизбежно ни «тикал» мой возраст, рожать я не собиралась. Даже выйдя замуж и по прошествии нескольких брачных лет, желание стать мамой не появилось.

Что-то похожее на материнское чувство появились во мне всего один раз. Как бы странно ни звучало, случилось это благодаря скандальному проекту «Дом-2». Помню, была там такая парочка – Гобозов и Устиненко (имен героев почему-то в памяти не осталось). В один прекрасный день они стали счастливыми родителями. По этому поводу продюсеры сняли такой милашный ролик, что пробрали меня до каких-то неведомых доселе струн души.

Эфир закончился, а вместе с ним и мои удивительные желания. Ушли эмоции, вернулись детские страхи, и я снова забыла о материнстве на долгие-долгие годы. Ни разу за все прожитое время не пожалела об этом. Наоборот, с каждым пройденным годом, с каждой решенной проблемой, с еще одной прошедшей бессонной ночью (такие бывают не только у пар с детьми) я понимала, что все сделала правильно.

Условие второе – *работа*.

Когда у тебя нет детей, можешь позволить себе работать сколько душе угодно, не правда ли? Совмещать две, три должности с парой нелепых подработок. Потому что зарабатывание денег – кайф. Много работать, значит, много зарабатывать – с такими установками пришла я из детства в только начинающуюся взрослую жизнь. Много зарабатывать – много тратить на себя эгоистичную. Покупать красивые платья, дорогие украшения, заказывать что-то, кроме чая в кафе.

Сейчас я задумалась и отчетливо вспомнила, что всегда любила работать. Первая оплачиваемая деятельность в авто-

магазине шла с графиком «семь через семь». Я адски уставала, а потом так же адски не понимала, чем себя занять в свободные дни, и очень хотела обратно в офис. Так по кругу целый год. Но совсем «не тяжелый» рабочий график оставил след на моей бездетной психике.

Коллегами по работе тогда оказались сплошь мужчины (начальник в том числе), большинство женатые, большинство с детьми. Именно эти, на первый взгляд, обычные сотрудники еще раз убедили меня – чайлдфри, а еще лучше и «мужфри» – это не просто блажь, это жизненная необходимость.

Через одного коллеги весьма нелицеприятно отзывались о женах, при этом с гордостью рассказывали о своих дочках и сыночках. Это не укладывалось у меня в голове. Они официально оформили отношения с женщиной, осознанно сделали свой выбор. У них уже есть дети, но при этом нет уважения ни к себе, раз позволяют унижать своих половинок, ни к своим женам.

Как-то, невольно послушав за обедом очередную порцию мужских разговоров, я напряглась. А что если в отношениях всегда так? Ты рожаешь от любимого человека долгожданного ребенка, а он за твоей спиной обсуждает твое нестабильное эмоциональное состояние и цвет волос? Перспектива была так себе, поэтому я решила быть осторожнее теперь не только с детьми, но и с поиском мужа тоже.

Пока же я была свободна и продолжала наслаждаться аб-

солютным «фрилайф»: прогулки, вечеринки, полупустой холодильник, чистейшие полы и зеркала. Я была настолько счастлива и гармонична, что порой просто завидовала самой себе. Я нисколько не сомневалась, что окружающие могут только завидовать мне, при этом «насилуя» мой мозг советами о деторождении.

Выйдя замуж, я не изменила своего отношения к детям. Мой эгоизм работал с завидным упорством и постоянством, что вызывало личную неосознанную гордость. Раз в год мой супруг выдавал весьма размытую фразу:

– Когда-нибудь я точно захочу детей.

– Когда-нибудь и поговорим, – отвечала я.

Развод случился раньше утопичного «когда-нибудь», поэтому в состоянии полного чайлдфри и мужфри я завершила свои двенадцатилетние отношения. Немного погоревав, пустилась во все тяжкие своего вновь обретенного эгоистичного ритма жизни: работа, путешествия, независимость, новые знакомства, свободные отношения, фрилайф.

Мне настолько было хорошо одной, что я почти окончательно пришла к выводу, что мне не нужны не только дети, но и муж тоже.

Пока однажды кое-что не произошло.

Однажды ведь всегда что-то случается.

Для справки

Чайлдфри – сознательное желание не иметь детей.

Чайлдбизи – термин, придуманный мной в ходе

написания книги, обозначающий женщину, занятую детьми и их воспитанием.

Мужфри – каламбур, показавшийся мне вполне уместным в рамках этой книги. Параллельно с чайлдфри означает сознательное желание не иметь мужа или не выходить замуж. Как вам больше нравится.

Теорема Пифагора была моей любимой на протяжении всей школьной жизни.

Чайлдбизи, или Правило двух «В»

Заходят как-то в бар клоун, маленькая девочка и полицейский. Бармен им говорит: «Черт возьми! Опять кто-то анекдот придумывает!»

В тот день ничего похожего не случилось, но тоже было весело. В одном из баров прекрасного провинциального города N я встретила мужчину со всех сторон обыкновенного. Две ноги, две руки, внешне очарователен, внутренне наполнен, с неплохим запасом умеренных шуток, немного танцор. Платит за вечернюю выпивку, угощает ночным кофе, несет на руках до машины, чтобы произвести впечатление. И производит его.

Особые приметы – двое детей. Но кого вообще волнуют эти особые приметы, когда ты красива и свободна, а он нужен тебе просто для приятных встреч по пятницам?! Меня не волновали. Я точно знала с самого детства, что дети – это «цветы». Значит, он, как обладатель целой пары (мальчик

и девочка), счастлив, и в его «саду» все замечательно.

Дети вообще мало волнуют, когда они не твои. Не представляют угрозы, не вызывают панических атак, не устраивают бессонных ночей и не задают непонятных вопросов. Парочка моего обыкновенного мужчины лишь изредка звонила папе, чтобы что-то спросить или что-то сказать. Потом в трубке раздавались гудки, и дети ничем о себе больше не напоминали.

Я же настолько была уверена в своей чайлдфришной независимости, что не смогла адекватно оценить ситуацию. Влюбившись, немного ошиблась, рассчитывая на долгие годы практики.

Внезапно молодой человек перестал быть обыкновенным, обычным, обыденным, и превратился в мужчину мечты, став таким необыкновенным, что пришлось сесть и задуматься, а заодно вспомнить школьный курс математики и посчитать детей.

Узнав о моем романе «с двумя детьми», моя бабушка сказала: «Лиза, мне тебя так жалко». Я улыбалась, не представляя, о чем она жалеет и почему именно меня.

Тем временем я впервые в жизни добровольно вступила в контакт с детьми, которые напоминали мне непонятных пришельцев из космоса, и познакомилась с его «цветочной» парой – Марусей и Джеком. Мальчику на тот момент было два года, девочке – восемь.

Все прошло весело и беззаботно, как я люблю. Как я при-

выкла. Но это будет первый и на долгие годы последний беззаботный период в моей жизни после нашего знакомства с обыкновенным мужчиной. И это единственный период, когда мне так хотелось лишиться этой самой беззаботности. Я сделала это добровольно, с обворожительной улыбкой на лице.

Мой привычный уютный паровозик под названием «жизнь» сошел с рельс, и все вокруг завертелось по-особенному, по-инопланетному. Я, конечно, знатная фантазерка, но мои романтичные мечты обычно заканчивались на белоснежном платье и его восхищенном взгляде напротив.

Мне не привили эту культуру, я была далека от состояния семейственности, как Плутон от Солнца. Гулять вместе с детьми? Вместе грести веслами на лодках, кататься на велосипедах? Вместе в лес, в горы и с гор тоже? Вместе смотреть кино, смотреть закат и что там еще можно было посмотреть?

Удивительный факт – мы нравились друг другу. Человек и инопланетяне обменивались словами, жестами, звуками, превращая этот перформанс в весьма приятную коммуникацию. Сейчас я думаю, такой ли уж чайлдфришницей я была?

Я не хотела детей, поскольку не хотела отдавать им то, что сама только что получила. Может, просто не доросла до того момента, когда однажды, как и многие женщины, решилась бы просто родить от достойного мужчины для себя, чтобы стаканчик воды в старости было кому подать.

Я, наверное, не встретила такого мужчину, который бы дал мне столько любви и закрыл столько моих потребностей, что сделала бы для него все что угодно. Даже ребенка. Даже двоих. Ведь два – это идеальное число? Столкнувшись с детьми лицом к лицу, я отметила для себя – «они не фонтан, конечно, но вполне сносны».

– Ты не поверишь, – рассказывала я подруге, – у меня теперь есть дети.

– У тебя? – Лерка продолжала изучать салат, в который повар, вопреки запретам, опять кинул веточку кинзы.

– У меня. Да вот же она, цепляй, – помогала я ей в поисках ненавистной травы.

– И как первые впечатления? – спросила подруга, – психи, ненормальные, неадекваты, «какой кошмар» или «о боже, их надо изолировать от общества»? – Лерка ехидно улыбалась, озвучив характеристики, которые обычно использовала я.

– Пока не похожи, – я почувствовала, как краснею.

– Чертов салат! – Лерка аккуратно выплюнула в салфетку очередной миллиметр вонючей кинзы и отодвинула тарелку с салатом, – и что будешь делать?

– Хочу им понравиться, а там посмотрим.

– Понравиться? – Лерка вздернула ко лбу шикарные брови.

– Понравиться, – почему-то смутившись, ответила я.

Тогда у меня не было мыслей «дети легко, дети сложно,

каково это – дети». Была одна цель – очаровать всех! Мужчину, его детей, инопланетян и динозавров, если таковые у него были. Ключевое – понравиться.

Тогда мне казалось, что самое сложное – начать. Начать нравиться, заводить разговор, задавать хоть какие-то вопросы. Сейчас я понимаю: это то самое детство, в котором ты никому не была интересна. С возрастом не сразу отпускаешь это. Тебе нужно продолжать нравиться.

У меня получилось. Конечно, мне никто об этом прямо не сказал: «Слушай, Лиз, ты нам нравишься, зачет!» Я сама для себя это решила и подумала, что половина победы уже достигнута. Вторая половина – это совместный быт и прочие семейные ценности. Хотя про быт еще рановато.

Думаю, мы казались друг другу идеальными: я – старающаяся быть очаровательной Мэри Поппинс, и дети, знающие, как получить из такого состояния максимум выгоды. Это потом наш «песочный замок» подмоет волна непонимания и протестов. А пока каждый из нас наслаждался тем, что с радостью отдавал и получал в ответ. Идиллия.

Вот так от чайлдфри «отвалилась» его свободолюбивая часть, плавно перетекая в состояние чайлдбизи. Переезд в «детский мир» стал самым ярким событием того года и самым провальным в парадигме «ожидание – реальность».

Еще несколько лет назад под словосочетанием реальная жизнь с детьми я представляла что-то типа:

– Сынок, почисти зубы, – щебечет заботливая мамочка,

и радостный сынок бежит очищать молочные клыки.

– Дочка, солнышко, убери за собой грязную посуду, – ласково просит папа, и «солнышко» сию же секунду разгребает завалы, оставленные на столе, а вдогонку заботливо вытирает тряпочкой кем-то оставленные крошки.

Оказывается, это не то что немного не так, это запредельная фантастика в духе фильмов Тима Бертона! Давно не молочные клыки мы сегодня чистим с третьей тире пятой просьбы, лежа под стулом или катаясь на канате. Что уж говорить о том, как было четыре года назад.

С «солнышком» прогресс больше: посуда убирается чаще, иногда мне даже не приходится о ней напоминать. Но это сейчас, а тогда…

Задача №3 про квадратные метры

В точке «А» Лиза в одиночку убирает однокомнатную квартиру за 30 минут. Она чайлдфришница и жуткая аккуратистка. Тем временем в точке «Б» живут 2-летний мальчик и 8-летняя девочка, за которыми один раз в неделю убирают бабушки.

Вопрос: «Сколько времени потратит Лиза на уборку трех-

комнатной квартиры площадью 80 квадратных метров, учитывая, что дети разбрасывают мусор нон-стоп?»

Примерно спустя неделю после моего переезда с 35 квадратных метров на 80, я заметила, что занимаюсь только тем, что убираю, мою, стираю, глажу, складываю, раскладываю, прошу и так бесконечно. Через пару недель я, уже более радостная, шла на работу, потому что два рабочих дня и два выходных сливались в один бесконечный рабочий коллапс. Через месяц я поняла, что все, чего хочу на выходных – это спать. Но я не сдавалась. Может быть, сон и заветное желание, но далеко не единственное, а я не собиралась все проспать.

Через два месяца я «залпом» читала статьи на тему – «работа мамой». Тут и там мамочки твердили, что это самая важная функция любой женщины. Под работой мамы они подразумевали бесконечный цейтнот днем и периодические ночные бессонницы.

«Что за бред они несут?» – думала я. Что тут вообще важного? Почему считается нормальным смертельно уставать? Откуда это навязчивое «жить ради и для детей, отдать лучшее детям?»

Вопросы не кончались. И если раньше я всячески избегала тем материнства и детей, то теперь, едва коллеги на работе начинали рассказывать какие-то истории о своих чадах, жаловаться, обсуждать, я тут же переключалась с текущих

отчетов на этот треп.

– Твоя дочь в третьем классе и пишет слово заморозки через «с»? – удивлялась я, выпучив глаза.

– Ну да, они сейчас все такие, – спокойно отвечала Наташа, мамочка идеального количества девочек. – Они не то что не знают, как пишется, они не представляют, как выглядят эти заморозки.

«Боже, какие они деграданты», – думала я.

– Моя-то в третьем, а у Иринки Данилка уже в шестом, и он считает, что русский язык ему не нужен. Он станет ютубером, когда вырастет, и будет молча пранковать на своем канале.

– Кем он будет? – я почувствовала, как внутри меня все переворачивается.

– Лиз, ну ты вообще, что ли? – засмеялась Наташка, – не летчиком же или плотником. Ютубером, инстаграмером[1]. Все дети сейчас мечтают об этом.

«Боже, какой кошмар эти дети! – стараясь ничем не обнаружить своего отвращения, думала я. – Родители тоже неадекватные, что ли?»

Ладно, Наташа, «легкая и воздушная», а Иринка вменяемая женщина, почему тогда ее сын собирается заживо «похоронить» русский язык и удариться в ютуберские пранки? Мой взгляд бегал по лицам этих мам, цеплялся за уголки губ, бровей, еле заметных морщинок. В нюансах я пыталась

[1] Инстаграм – экстремистская организация, запрещенная в РФ.

найти причину неадекватности их детей, но не находила.

После такой подготовки я бы уже совершенно точно не удивилась, если бы моя инопланетная парочка выдала что-то из современных профессий. Но, к моему сожалению или к радости, не все в нашей семье еще определились, кем им быть в будущем.

Всего лишь однажды Маруся заявила, что собирается стать певицей, а потом и ею быть передумала. Вопрос до сих пор открыт. Ни о каких врачах, учителях, тем более продавцах речи не идет, и даже вслух эти профессии имею наглость произносить только я.

Джек более динамичен в этом плане. Он хочет стать тем, чье ремесло вызывает у него какие-то неоднозначные эмоции здесь и сейчас. Увидел охранника, важно разговаривающего по рации, в красивом черном костюме, захотел охранять торговый центр. Ехал в такси в машине под бурчание навигатора, понял, что будет только таксистом. Час наблюдал, как трактор расчищал снег вокруг дома, сказал, что когда вырастет, будет на этом агрегате зимой чистить снежные завалы, а летом ровнять песок на пляже.

– У тебя есть дети? – спросила меня Маруся на одном из наших первых свиданий.

– У меня собака по кличке Степан, – смеясь отвечала я.

Уже потом, спустя пару лет, за каким-нибудь утренним чаем мы с ней узнаем подробности отсутствия моих детей,

а пока мы хихикали, поглаживая пузо развалившегося на полу Степана.

Вообще, наша судьбоносная встреча с детьми произошла абсолютно спокойно. Я думаю, здесь сработали два фактора. Фактор первый и тот, что еще ни разу за пять лет меня не подвел, – любовь – наше взаимное чувство с моим мужчиной.

Фактор второй – где-то глубоко внутри у меня остались те самые нерастраченные чувства нежности и заботы, которые я с удовольствием выплескивала на вдруг обретенных мною детей.

Возвращаемся к задаче про квадратные метры: время, потраченное на уборку, равнялось количеству часов, проведенных в состоянии бодрствования и нахождении в пределах вышеуказанной квартиры.

Уточнение: в первые дни моего проживания на новой жилплощади я убиралась постоянно. Тратила на это не только свои силы, но и нервные клетки. Я подпрыгивала на каждой крошке, попавшейся на моем пути, и снова хваталась за тряпку. Спустя какое-то время после очередного нервного срыва, полученного в прямом смысле на хлебных крошках, я решила (не без помощи психолога), что чем эти штуки не массажер для стоп? И мы подружились.

Мое состояние чайлдбизи стремительно набирало обороты. Я ежедневно развивалась в этом направлении, будто намеревалась получить красный диплом, а потом отправиться

в магистратуру. Хлебные крошки были самым простым препятствием в те невероятные дни. Я осваивала настольные игры, в которые не играла уже лет двадцать. Снова подержала в руках ненавистный когда-то пластилин, разлила на столе акриловые краски, научилась играть в «пол – это лава», до последнего воспринимая название как что-то невнятное на иностранном «полэтлава». Мне нравились крики, громкий смех и даже резкие телодвижения.

Потом я заметила, что, находясь с детьми, ты не можешь быть «фри», ты обязательно «бизи». Это как в уравнении: если a равно b, то b равно a.

Дети требовали двух «В»: времени и внимания. Это «блюдо» нельзя было подавать раздельно. Ты всегда должен жертвовать обоими компонентами сразу. Иначе никак.

В эйфории от влюбленности я не видела в этом проблем (сплошное очарование), но потом наступает момент, когда источник этих самых «В» иссякает. Ты становишься обладателем одного полного «Ж»: желания незаметно и беззвучно раствориться в воздухе, в одиночестве, в абсолютной тишине.

Для справки

Мужчина обыкновенный – это не принц на белом коне, не миллионер, вдруг свалившийся на твою голову, не метросексуал, не Бред Питт местного разлива, а просто человек мужского рода.

Заморозки – это когда столбик термометра

опускается ниже отметки в ноль градусов. Пишется через «з». Проверочное слово – «мороз».

«Горе от ума» – это когда ты не в теме, у тебя отсутствует страх. Это все равно, что прыжок с тарзанки, который ты никогда не собиралась совершать, поэтому не читала инструкцию по безопасности и всяким побочным эффектам. Тебе это просто не нужно. Друзьям нравится экстрим, а тебе нет.

Состояние чайлдфри и уверенность в своих силах делают интересные вещи: ты чувствуешь себя не просто красивой женщиной. От макушки до пяток ты – супервумен, значит, все, чего ты касаешься, тоже супер. А дети – это такая ерунда. В общем, страхи отсутствуют напрочь.

По этой же причине чайлдфри и мешает: ты неизбежно сделаешь ошибку, когда в день «икс» решишь «прыгнуть с тарзанки». Опыта – ноль! Понимания опасности – ноль! То есть практически все твои замечательные плюсы в прыжке становятся не менее замечательными минусами.

А я, как вы понимаете, прыгнула.

Часть 2
Крошки, яблоки и прочие неприятности

Бренная пена морская

Задача №4 «олимпиадная».

Дано два утверждения: дети – цветы жизни, а быть мамой – высшее счастье.

Вопрос: «Являются ли цветами неродные дети? Если „да“, что за сорт? И, наконец, возможно ли доказать теорему: счастье неизбежно, если ты – мама парочки милых детишек?»

Пока вы будете обдумывать варианты решения, вот вам

задачка №5, полегче, назовем ее «очевидная».

Из пункта А в пункт Б навстречу друг другу вышли обыкновенная женщина и вполне обычный мужчина. У женщины было ноль детей и ровно столько же в планах на счастливое будущее. У мужчины была отличная пара. В середине пути, в пункте В, они встретились. Бах! И некий Амур сделал отвратительную вещь – пронзил сердца любовною стрелой.

Вопрос: «Сколько детей окажется у влюбленной женщины, когда пара станет жить вместе»?

Двое? Нет! Много.

На этапе написания книги, перечитывая текст по несколько раз, я вдруг осознала, что больше всего в самый ранний период наших отношений мне не хватало того, к чему я так привыкла. Того, что мне давало колоссальную энергию и сил для вдохновения – чистоты и возможности находиться одной, сколько заблагорассудится.

Для меня это были якоря спокойствия и гармонии.

Переехав в семью с двумя детьми, я, естественно, лишилась этого в первую очередь. Но, будучи чрезвычайно упертой, не могла сдаться, открыто заявив об этом. Именно поэтому, когда мы начали жить вместе, могли бы уже и добро наживать, мне стало казаться, что меня обманули, а детей совсем не двое, как было заявлено изначально.

Привыкшая к совершенно другим ритмам, не умеющая делить свое свободное время на три, влюбленная в идеальный порядок, я вдруг заметила, что после моего тщательно-

го клининга в доме, удивительным образом беспорядок возвращался на свои места. Я выходила из ванной, финальной точки любой уборки, и обнаруживала, что в квартире ничего не изменилось.

– А что у нас со столом? – недоумевала я. – Это не стол, а скатерть-самобранка какая-то. Я натерла его до блеска пару минут назад! Кто его опять накрыл и даже обгрыз половину из накрытого? Кто-то несет ответственность за причиненный ущерб?!

На мой крик никто не откликнулся, тем более никто не прибежал каяться в содеянном или помочь женщине, едва не потерявшей рассудок. Как будто ничего сверхестественного не произошло.

Сначала я подумала, что в квартире поселился домовой. Дети-инопланетяне, привидения, барабашки – эти товарищи из одной шайки? Хотя все казалось странным, верить в домовых – не мой профиль. Инопланетяне – да, домовые – нет. Мне срочно захотелось проверить, на месте ли мои нейронные сети и связи, вообще, в своем ли я уме?

– Оперативно вспоминаем стихи Ахматовой, – скомандовала я себе, облокотившись на стул, тут же прилипнув к нему локтями. – Черт, вишневый сок! Я оторвала руки от липкой деревяшки и громко начала читать:

«Из-под каких развалин говорю,
Из-под какого я кричу обвала,

Я снова все на свете раздарю,
И этого мне снова будет мало».

Почти рыдая, я вспоминала любимые стихи.

– Фух, – выдохнула я. – Теперь Цветаеву:

«Кто создан из камня, кто создан из глины, —
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – бренная пена морская».

– Вот и отлично, Лизочка, – я почувствовала, что все мое на месте и память в том числе. Значит, не все так плохо, как показалось мне еще десять минут назад.

– Лиза, выдохни и подумай, – я сидела на очередной встрече с психологом, история знакомства с которым заслуживает отдельной «задачи».

– Откуда ты взяла, что дома непременно всегда должно быть чисто? – спросила меня Юля, послушав мой эмоциональный спич о беспорядках, царящих в нашей квартире.

– Из детства, – ответила почти не раздумывая, так как сама не раз придумывала себе оправдания. Я хорошо помнила, как мама, придя с работы, не поев и не попив, бросалась выбивать ковры, носить дрова и намывать пол.

– Как думаешь, она была счастлива тогда?

– Нет, – я почувствовала, как к глазам подступили слезы.

– Ты была счастлива в тот момент?

– Нет.

– Что-то страшное бы произошло, если бы она не убралась тогда, едва переступив порог вашего дома? – не отставала Юля.

– Нет, наоборот.

– А теперь представь, что-то страшное может произойти с тобой или семьей, если ты не вытрешь эти крошки с пола?

– Нет, – думала я, снова и снова вспоминая эту уборочную суету из детства.

– Нет! Вот именно. Ничего ужасного не произойдет, если ты не помоешь пол, не уберешь стол, не постираешь горы накопившегося белья, – Юля так спокойно это говорила, что мне стало стыдно, как я не додумалась до этого самостоятельно.

Когда убираешь из души какую-то ерунду, жить всегда становится проще и радостнее. Шли недели, месяцы, я чувствовала, как стремительно приходится меняться и менять свое отношение к привычным вещам. Что-то я исправляла с удовольствием, что-то – с напряжением, сильно сжимая зубы.

Довольно часто, прогуливаясь по улицам города, заходила в свою старую квартирку, чтобы просто там побыть. Постоять на любимом балконе, послушать разговоры, звенящие на весь двор, наполниться энергией, которую квартира еще не утратила, несмотря на то, что я давно уже там не жила.

– Если ежедневно не думать о чистоте в доме, дети – это не так уж и сложно, – решила я в одно прекрасное осеннее утро.

И чего только с ними все так носятся? Дети – это вообще легко: накормил, одел и все! Считай, справилась! Отвел в садик, помахал рукой у школы, забрал из садика, проверил уроки.

К тому же есть приятные бонусы. Например, с ними очень весело. Взяв «цветочную» парочку, можно пойти на тусовки, на которые ты раньше не ходил, смотреть мультфильмы, играть в настольные игры, дурачиться, наперегонки бегать из комнаты в комнату. Улыбаясь в тридцать два зуба, кричать «тук-тук, Лиза!» на десятом кону пряток. С детьми это нормально. Никому не придет в голову крутить пальцем у виска.

То утро было действительно чудесное. Мы встали в чудном настроении, смеялись, шутили, и, несмотря на мрак за окном, нам было уютно дома. Джек собирался в детский сад, Маруся старательно закидывала свои буквари в портфель. У меня был выходной. Я мечтала развести всех по заведениям и выдохнуть. Теперь те редкие минуты, которые я могла провести одна, были бесценны. Я дорожила каждой, каждая была великолепна, даже если в эту минуту я опять драила полы.

– Слушай, Лер, оказывается, дети – это не так уж и сложно, – мы сидели с Леркой в ароматной кальянной и пили

вкуснейший ягодный чай.

– Да? Разве они так и не стали похожи на неуправляемых упырей с того света? – ехидничала подруга, выдыхая на меня вишневые кольца дыма.

– Ты знаешь, думаю, у нас с ними может что-то и получится. Я им вроде нравлюсь, они мне тоже. Схема ухода понятна, крошки и прочий напольный мусор я лихо перепрыгиваю, а если надеть носки потолще, то их вообще можно и не заметить. Я уверена, что справлюсь.

– Лизка, я тебя не узнаю, ты совсем с катушек слетела? Какая схема? Какие к черту носки? – Лерка улыбалась. – С таким подходом, может, ты еще и родишь? А?

Я задумалась. Задумчивая чайлдфри после вопроса о деторождении – странная картина.

– Точно, родишь, – резюмировала Лерка, приводя меня обратно в чувства.

Я ехала домой в уютном такси, перебирая в памяти мужчину мечты и его инопланетную пару. Может быть, мне стоит чаще пользоваться этими мыслями, например, как маской для волос. Как иначе возвращаться к реальности, в которой я к своим почти сорока годам так и не обзавелась тем самым идеальным количеством детишек? Или теперь засчитано?

А что, если в мире действительно все предрешено, а Вселенная приготовила для меня что-то особенное? Является ли моя сегодняшняя история любви чем-то необыкновенным или я опять придумала себе то, чего нет?

Чем дольше я вливалась в семью и детей, тем больше у меня появлялось страхов и предчувствий. Несмотря на кажущуюся простоту, периодически внутри меня возникало ощущение, что я делаю неправильно абсолютно все. Даже дышу. Казалось бы, уж чего проще – вдох-выдох. Но даже этот отточенный механизм может давать сбой. Сбоило тогда интенсивнее обычного.

В который раз мы все вместе сидели то ли за завтраком, то ли обедом. Вроде это был выходной, о чем-то говорили, обсуждали, вроде даже смеялись, вроде даже от души, что-то планировали. Но, встав из-за стола, я поняла, что совершенно ничего не слышала. Как скитающийся несколько недель по пустыне бедуин жаждет воды, мой мозг хотел только одного – простой, без изысков тишины.

Я механически хихикала, кивала и что-то отвечала в ответ, но ничего из обсуждаемого память не сохранила. По всей видимости, это длилось уже не один день, потому что и вчерашней коммуникации в моих хранилищах не находилось.

– Куда, черт возьми, мы собираемся? – думала я, роясь на полке с одеждой.

– Пап, а сколько ехать до этого лыжного клуба? – спросила Маруся, надевая на себя шапку и варежки.

– Минут 30—40. Это за Волгой, – крикнул Кирилл из гардеробной.

– Лыжный клуб?! – в моей голове будто взорвали петар-

ду. – Я же ненавижу лыжи!

Место назначения оказалось обычной небольшой базой в лесу, с прокатом инвентаря, накатанной лыжней, горками для плюшек и махровыми заснеженными деревьями вокруг. Красиво!

Я смотрела на сосны и березы вдалеке, кажется, слышала, о чем они разговаривали между собой. Тихонько хрустнула ветка вон на той самой высокой березе – это птица взлетела вверх, оттолкнувшись от гнезда. Могучий дуб мечтал о лете и новеньких желудях среди зеленых листьев. Старая сосна в роскошном одеянии о чем-то ворковала со стайкой воробьев, собравшихся под ее раскидистыми лапами. Какая милая беседа! Попыталась и я вступить в этот разговор: «Знаете, мне бы хотелось, чтобы мои „марсианские цветочки“ иногда разговаривали так же безмолвно, только кивая красивыми мордашками».

Вбегая на горку в десятый раз и съезжая с нее, я думала о том, какую роль отвела в жизни этим детям. Справлюсь ли я? Преодолев несколько тысяч крошек, разбросанных на полу, получится ли у меня из миллиона непонятных звуков услышать хоть какой-то смысл? Смогу ли продолжать в том же духе? Может быть, надо остановиться и взвесить все «за» и «против»? Может быть, дети – это не просто сложно, а очень сложно и непостижимо моему уму?

– Погнали еще раз? – кричала Маруся, проносясь мимо меня на оранжевой, как апельсин, плюшке.

– Давай! – смеялась я.

Потом были снежки, валяние в сугробах, пробежки под ветками, прогнувшимися под тяжестью лежащих на них снежных шапок, и полные сапоги снега.

Мне было весело, поэтому очень сложно позже признаться, что я ненавижу лыжи и все эти зимние забавы. Так что же важнее: возможность оставаться в тишине или возможность наслаждаться моментами, неожиданно врезавшимися в то самое безмолвие?

– Все-таки дети – это очень сложно, – мы шли с Леркой по расчищенной набережной, попивая кофе.

– В прошлый раз ты была более оптимистична, – справедливо заметила подруга.

– У меня такое ощущение, что я постоянно делаю то, чего не хочу, при этом получаю удовольствие от процесса. Я жажду тишины и одиночества. Но пыталась вспомнить, когда в последний раз этим пользовалась: одиночеством в тишине. Я провожу время с двумя детьми на лыжной базе и сама не понимаю, как умудряюсь прилично повеселиться там? Один нюанс – я перестала слышать. Я не хочу…

Лерка не дала договорить мне:

– Чего ты не хочешь? Раскатывать на лыжах по выходным? Так скажи об этом, нехочуха. На дворе только декабрь.

Почему всякий раз, когда я убеждаю себя в чем-то и нахожу в этом какой-то особенный смысл, появляется кто-то и переписывает весь мой жизненный сценарий? Не было ни-

кого рядом и вдруг – целая семья. Тогда я засомневалась, действительно ли мне нужно это целое, и так ли мне необходимо завязывать отношения с детьми?

Так что насчет теоремы? И что есть счастье сегодня? Оказывается, есть счастье, которое желают все, например, здоровье и любовь. А есть счастье неочевидное – это как раз мой хохот в лесу посреди лыжной базы, пересчитывание крошек на полу и игра «у кого их больше в этот раз». Может быть, детский смех, вызванный твоим поведением, и есть награда?

Я была уверена, что мысли о судьбоносности той или иной встречи – это удел цыган и экстрасенсов, но время от времени фокусировалась именно на этом. А что, если наша встреча – это самый настоящий контакт землян с инопланетянами? Я просто обязана выстоять, тем более, когда внутри и снаружи столько тонн нерастраченной любви.

Для справки

Время крошек и а-ля лыжных баз – это было особенное время. Проживаешь каждый момент не так, как определенный жизненный отрезок (отрезок, как мы знаем, имеет начало и конец). Ты всякий раз оказываешься в сказке. Ты то Алиса в стране чудес, то Гулливер в стране Великанов, то бедная Золушка, пересчитывающая зерно в очередном мешке. И четко понимаешь, что за каждой лыжней, за каждой крошкой есть целая история, финал которой никому неизвестен. Либо ты выйдешь замуж за сказочного принца, либо станешь обладателем роскошной пары ослиных ушей.

Инопланетные пристрастия

В сорок лет, наверное, уже можно признать: я очень травмирована своим детством. При этом я осознаю, что стать такой, какая есть сейчас, мне тоже помогло детство. Никто же не знает, что бы из меня получилось, будь мои юные годы не таким нестабильными.

В общем, вопрос для психологов открыт. А пока о детях.

Моим «инопланетянам» повезло, потому что у маленьких было все: красивая одежда, вкусная еда, фрукты и овощи в изобилии, вдоволь воды, в которой можно помыться, теплые комнаты, любящие бабушки, которые как сказочные феи исполняли любые их желания. Хорошо это? С одной стороны, замечательно. С другой – сплошная «грязь»: дети полностью обесценили все, что перечислено выше.

– Марусь, сними школьную блузку перед тем, как мазать бутерброд черничным вареньем, – щебетала я, с замиранием сердца наблюдая, как белоснежный рукав лежит на куске хлеба вместе с джемом.

– Да пофиг, папа другую купит, – отвечала Маруся, подметая рукавами стол.

Это обычный сценарий наших первых диалогов и моих убогих попыток понять, КАК ТАК вообще МОЖНО?! Папа, действительно, мог приобрести другую. Но зачем? Чтобы снова протереть обновкой мебель?

Я задумалась над очередной **задачей №6** про годовой запас.

Допустим, отец для любимой дочки может купить 365 белоснежных блузок. Любимая дочка ежедневно может вымазать столько блузок, сколько раз окажется один на один с едой.

Внимание, вопрос: «Как скоро закончатся школьные блузки, если девочка один раз завтракает, два раза перекусывает и один раз обедает»? В школе пятидневка и сезонные каникулы.

Ответ: блузки закончатся через четыре месяца.

Такие задачки я научилась решать очень быстро. Чем быстрее находила решение, тем тяжелее становилось на душе. Чем мы мудрее, тем жить больнее – это, видимо, именно тот случай.

В моем детстве не было нормальной одежды. Я берегла каждую вещь и берегу до сих пор. Самое ценное стираю руками, мою, чищу, сушу, аккуратно убираю в шкаф. Зашвырнуть новую шелковую блузку в угол? Я бы рыдала, если бы кто-то так поступил с моей.

В мои детские годы не было вкусной еды (еды вообще бы-

ло мало), поэтому я до сих пор съедаю яблоко, оставляя только веточку в руках. У меня не было тех, кто стоял за спиной и ждал, пока я выдам порцию свежих пожеланий. Мне даже подарки дарили не все и не всегда. И это считалось нормой.

Помню, как многие годы главным презентом от единственной бабушки был мой любимый пирог со щавелем. С двойной дозой щавеля в честь дня рождения. Я была счастлива! Как мне были дороги в те времена каждое платье, каждая конфета и каждый вопрос бабушки «Что ты хочешь?»! Я ощущаю это до сих пор.

У Маруси и Джека все наоборот. Полное изобилие. Так стоит ли объяснять им ценность яблок?

– Лиза, помой мне яблоко, – попросил как-то Джек.

– Хорошо, – довольная, я полезла в холодильник, радуясь, что ребенок любит еще что-то, кроме сладких леденцов.

– Да не то, давай вот это, самое гигантское, – остановил меня Джек, роясь в пакете и указывая на яблоко, размером с мою голову.

Я помыла фрукт. Он действительно выглядел сказочно: красный, с яркими желтыми полосками на боках. О таких я в своем «зимнем» детстве могла только мечтать. Джек схватил фрукт и впился в него своими зубами. Прошло несколько минут, и я увидела, как смеющийся мальчик подбежал к мусорному ведру, отбросил крышку и кинул туда пару раз откусанное яблоко.

– Ты почему его выбросил? – испуганно спросила я.

– Не хочу больше, – ответил Джек, убегая прочь из комнаты.

Я открыла мусорку и достала яблоко. Сколько оно стоит? Рублей сто, не меньше. В нем почти полкилограмма. Едва не рыдая, я отмывала яблоко под струей воды. Как можно было ЭТО отправить в мусор? Оно выглядит невероятно, а пахнет… Ммм, я втянула в себя аромат, который был лучше всяких французских селективных духов.

Почему он просто не оставил его на тарелке? Зачем Джек выбрал самое большое, если не так сильно хотел его? А что я? Я должна что-то сказать по этому поводу? Или с фруктами так же, как и с блузками?

Я села за стол, пытаясь собрать свои прошлые и настоящие эмоции в одно целое. Перед глазами проплывали яблоки из детства – маленькие, красненькие и только летом. Зимой фруктов не было, только морковка и еще мандаринка из новогоднего подарка.

– Лиза, я хочу еще что-нибудь, – услышала я голос Джека, уже погрузившегося в недра холодильника.

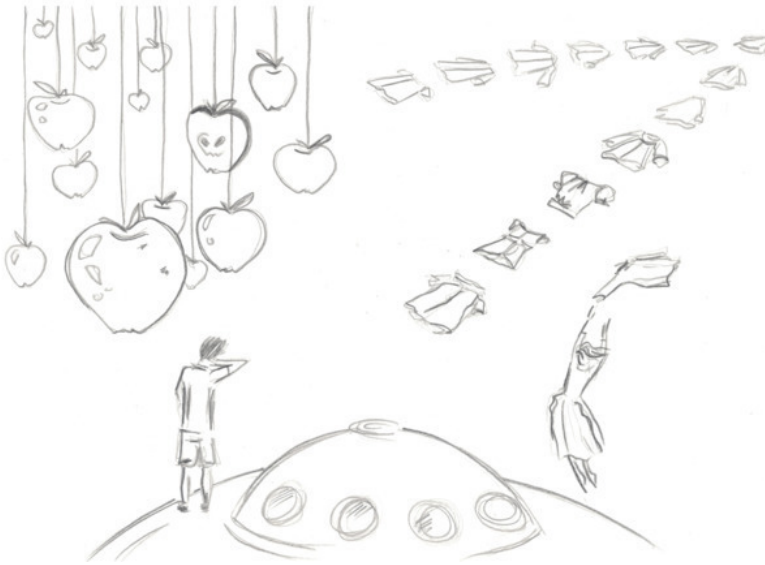
– Может, воды? – тихо спросила я, вспоминая, как в детстве, когда мне хотелось чего-нибудь еще, мама всегда предлагала попить воды.

– Грушу! – выкрикнул Джек, выуживая из пакета самую большую и яркую.

В этот момент я почувствовала, как внутри зашевелилось что-то очень неприятное и скользкое. Это было отвраще-

ние к маленькому человеку, который был совсем не виноват в том, что он делал. Я смотрела на новую жертву, на пальцы, которые ее удерживали. Поняла, что если сейчас на моих глазах и этот фрукт отправится в мусорное ведро, то что-то противное может вырваться наружу.

– Джек, я поработаю в комнате, – сказала я, скрываясь с места событий.



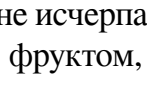
* * *

– Юля, скажи, имею ли я право попросить детей доедать пищу или не брать столько, сколько они не могут съесть? Или я лезу не в свое дело? – я сидела перед экраном своего IPhone на очередной онлайн-встрече с психологом.

– Имеешь.

От полученного ответа мне точно стало легче. Как будто до этого я сомневалась в законности своих намерений.

С яблоками у меня связана еще одна памятная история. Наверное, я до сих пор не исчерпала весь лимит трепета, навеянный этим простым фруктом, который я люблю больше любых заморских ананасов, персиков и маракуйи.



Итак, **задача №7** «сердечная»: «Имеет ли право яблоко иметь сердцевину и несколько ароматных семечек внутри?»

Это даже не задача, а целая аксиома, которая не требует доказательств. Но я еще совсем недавно, как Жанна Д`Арк, боролась за эти самые яблочные права, рискуя быть испепеленной взглядом недоумевающего Джека.

– Лиза, помой мне яблочко, – кричит Джек, уже открывая холодильник.

– Джек, ты можешь помыть его сам. Вот раковина, вот кран с водой, вот стул. Пробуй, у тебя обязательно все получится! – пытаюсь я приободрить Джека к действию.

– Нееееет, Лиза, я не хочу, – начинает кривляться Джек, – помой сама.

– Давай я помогу тебе, покажу как, – не сдаюсь я.

– Нет, помой сама, – настаивает Джек, добавляя, – пожаааааалуйста.

Наконец, когда яблоко отмыто, я протягиваю фрукт мальчику.

– Нет, Лиза, разрежь его, убери семечки и огрызок, – продолжает Джек, – я не буду его есть так.

Я вспоминаю, как точно так же разрезала и вычищала яблоки для своей бабушки, у которой к 80 годам оставался один единственный зуб, да и тот болел. Передо мной маленький мальчик, который, казалось бы, должен грызть яблоки и морковки со скоростью хорошего кролика, но просит разделать фрукт на куски. За что он с ним так? Для меня увиденное стало едва ли не концом света. Что я делаю в этом мире среди людей, ненавидящих яблоки, и что я смогу сделать, чтобы прекратить войну?

За пять лет мне удалось отстоять некоторые «яблочные права».

Во-первых, я давно уже не видела, чтобы Джек выбрасывал фрукты. Во-вторых, он сначала всегда разрезает яблоко пополам, только потом выковыривает из него семечки. Но фрукт по-прежнему лишен права иметь любые пятнышки на кожуре, царапины или, не дай Бог, малейший намек на падение – вмятины, налившиеся яблочным соком.

Я задумалась, существует ли врожденная брезгливость или все-таки это приобретенное качество? И если качество существует, какие ресурсы необходимы для безоговорочной капитуляции последнего? Эта задача пока остается неразрешимой. Я на этапе тестирования решений и сдаваться не намерена.

Пока же эти дети продолжали оставаться для меня инопланетянами. Джек точно прилетел с планеты с отравленными сердцевинами яблок, а Маруся с той, где белоснежные блузки надевают исключительно по случаю поедания черничного пирога.

Для справки

Жанна д`Арк – национальная героиня Франции. Никогда не боролась за права яблок, у нее были дела поважнее.

Глава 2
Полюбить чужих детей нельзя сдаться. Где поставить запятую?

Часть 1
Кто расставил капканы, или Дети «не»

– Как дела? – Лерка звонила по телефону и застала меня своим вопросом врасплох, потому что я стояла у плиты, впервые в жизни пытаясь приготовить сырники.

– Нормально, – вздыхая, отвечала я, – сырники – это ужасно, как, впрочем, и вся ваша кулинария.

– Слушай, даже в самых лайтовых сказках бывают какие-нибудь испытания, чтобы про мораль потом читателям рассказать. – Лерка явно была за рулем: я слышала, как играло радио в ее машине. – А у тебя непростая история, так что без блюд «высокой кухни» не обойтись.

Дети болеют

Впрочем, без сырников как раз можно было обойтись. И мое сгоревшее кулинарное изделие было меньшим из всех бед. После того, как я была уверена почти на сто процентов, что дети – это проще пареной репы (кстати, репу я ни разу за свои годы не парила, поэтому сомневаюсь, что это проще «творожных комочков»), случилась первая сложность.

Джек заболел.

Я отстала от детской жизни на несколько веков, поэтому не знала, что если ребенок болеет, то с ума сходить должны все – от сердобольных прабабушек до мотыльков, случайно залетевших на «карантинную» территорию. В доме начиналась такая суматоха, как будто к нам ехал с проверкой ревизор. Все обзванивали друг друга, разнося эту жуткую весть из уст в уста, из квартиры в квартиру. Вызывали скорую, дополнительного врача из местной больницы, ходили с хмурыми лицами и даже разговаривали вполголоса.

Закидайте меня камнями, но у нас в деревне даже на похоронах ведут себя веселее. В общем, картина в нашем доме вдруг стала удручающей. Исчез смех, потом разговоры, к концу дня мы плавно переходили на шепот. Я не могла понять, что происходит, почему это происходит именно так? Да, мальчик болен, но все дети болеют. Я тоже умела это делать. Но никто не ходил на цыпочках вокруг меня. Это было так же естественно, как если бы летом пошел дождь, а зимой снег.

Всеобщая паника и горы лекарств сделали свое дело, и я

решила, что, скорее всего, многого не знаю о здоровье юноши, и в следующий раз мне непременно нужно тоже становиться немного безумной.

Честно говоря, еще пару недель назад я была почти уверена, что *такие* дети вообще не болеют. Такие – то есть с других галактик. Но, оказалось, что они, конечно, инопланетяне, но совсем не роботы, и, несмотря на их сбалансированное питание и наличие «сорока» нянек, они могут давать сбой. Видевшая полный сценарий болезни, я теперь умело перевоплощалась в паникера и практически смешивалась с толпой родственников.

– У меня болит живот! – сказала как-то утром Маруся, выходя из комнаты.

– Полежи, погладь животик по часовой стрелке, все пройдет! – уже хотела выпалить я рецепт от живота, по которому все детство лечили меня.

Но я вовремя вспомнила, что эта девочка с другой планеты и начала по плану:

– Где болит? Как болит? Тянет? Режет? Колет? Давит? Выше пупка? Ниже пупка? Прямо в пупке?! – перепуганная, я трогала живот Маруси, одновременно заглядывая ей в глаза, надеясь найти в них подсказку.

Пытаясь припомнить название хоть одного лекарства, поняла, что это бесполезно. Мой живот в детстве не лечили лекарствами: все проходило с помощью волшебных поглаживаний по часовой стрелке! Вот главный путь к исцеле-

нию. Но механизм беспокойства был запущен, и эстафетная палочка в лечении передавалась отцу. Впрочем, знаниями «от живота» он тоже не обладал. Зато паниковали мы очень дружно, как гимнастки-синхронистки на олимпиадных выступлениях.

Если Маруся уже считалась взрослой и могла отвечать на наши вопросы по поводу «лучше, не лучше», то с Джеком эта схема не работала.

Вообще я считаю, что в XXI веке большинство взрослых перебарщивают с лечением своих детей. Не ясно, то ли виноваты многочисленные возможности и аптеки, доверху набитые разными препаратами, то ли круглосуточно доступные врачи.

Противовирусные препараты некоторые умудряются подавать практически вместе с чаем на завтрак. Другие самостоятельно назначают своим детям прием антибиотиков, третьи – при любом раскладе вызывают врача на дом. Не спорю, сегодня болезни развиваются вместе с медициной, но это не повод реагировать на каждый чих ребенка «всеобщей мобилизацией».

Недавно я задумалась, что такое детское лечение сегодня?

Сладкие сиропчики вместо невозможно мерзких таблеток от кашля, горечь от которых оставалась во рту, мне кажется, на протяжении еще пары месяцев после выздоровления.

Обезболивающие при любой врачебной манипуляции, это джокерские улыбки на лицах докторов, слащавые, «а кто это

у нас тут такой пришел лечиться?» Это прекрасно! Я не спорю, прогресс. Но, если одна сторона этого прогресса открывает нам новые светлые горизонты, другая вызывает неоднозначные вопросы и приводит к тому, что детям… нравится быть больными!

Да! Они очень быстро считывают все, что происходит вокруг них в то время, когда они больны, и делают соответствующие выводы. Болеть выгодно! Болеть удобно! Болеть чертовски приятно!

Например, наш Джек. Он с гордостью напоминает нам о том, что ему необходимо выпить таблетку и удивляется, если лекарство принимать сегодня не требуется.

Не так давно в детском саду он подхватил ветрянку, и Кирилл вызвал врача на дом. К слову, болезнь протекала безо всяких осложнений в виде высокой температуры или слабости. Джек, только что строивший на кровати шалаш, услышал, что к нему едет доктор, грациозно опустил плечи и сказал, что ему нужно полежать еще, намекая на то, что он слишком слаб.

Таких ситуаций много не только в нашем семейном кругу, где я стараюсь объяснить в рамках нашего межгалактического контакта, что болеть – это плохо, а количество принимаемых таблеток – не повод для гордости среди друзей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.